

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXIV.

Выпускъ III.

1915.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1916.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

С. К. Паткановъ. Проектъ составленія племенной карты Россіи	217—244
І. Ѳ. Каллиниковъ. Сказочники и ихъ сказки. (Лѣтняя поѣздка въ Болховской, Сѣвскій и Трубчевскій уу. Орловской губ. въ 1914 г.)	245—272
Е. П. Казановичъ. Легенда о Святомъ Озерѣ въ Бѣлоруссіи	273—276
С. Д. Майнагашевъ. Загробная жизнь по представленіямъ турецкихъ племенъ Минусинскаго края. Съ 4 таблицами рисунковъ	277—292
В. И. Іохельсонъ. Образцы матеріаловъ по алеутской живой старинѣ, собранныхъ на Алеутскихъ островахъ въ экспедиціи Ѳ. П. Рябушинскаго	293—308
Критика и библіографія	309—324
2. А. І. Терменъ. Среди бурятъ Иркутской губ. и Забайкальской области. Б. Э. Петри (309—313). 3. Franz Boas. The Mind of Primitive Man. Вл. Іохельсона (314—316). 4. M. A. Czapliska. Aboriginal Siberia, a Study in Social Anthropology. Вл. Іохельсона (317—321). 5. Gudmund Hatt. Arktiske Skinddragter i Eurasien og Amerika. К. Гильзена (322). 6. Rudolf Tschudi. Das Vilâjet nâme des Hadschim Sultan. Вл. Гордлевскаго (322—324).	
Приложеніе № 3.	033—060

СОДЕРЖАНІЕ: 3. А. Вольтеръ. Крестовыя сосны (ristipe-täjä). Къ вопросу о некрокультѣ у финскихъ народностей.— Е. Ю. Перфецкій. „Холерные“ кресты. (Къ этнографіи Холмщины).— А. Пруссанъ. Былина, бивальщина и три пѣсни, записанныя въ Иркутскомъ у., Иркутской губ.—І. Ѳ. Каллиниковъ. Приказки. (Колыбельныя пѣсни).—С. Д. Майнагашевъ. Сказка о Купеческомъ сынѣ и Боярскомъ сынѣ.—В. М. Іоновъ. Медвѣдь по возвращеніямъ якутовъ.—Краткая программа по собранію особенностей русскихъ говоровъ, составленная Отдѣленіемъ русск. языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.—И. С. Абрамовъ. Письмо въ редакцію.

**Журналы заведеній Отдѣленія Этнографіи 30 января, 27 фе
27 марта и 1 мая 1915 г. и выдержки изъ протоколовъ
дѣла Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ
(отд. отт. изъ „Извѣстій И. Р. Г. О.“)**

29— 38

Загробная жизнь по представленіямъ турецкихъ пле- менъ Минусинскаго края ¹.

Съ 4 таблицами рисунковъ ².

Приступая къ вопросу о томъ, какъ минусинскіе турки пред-
ставляютъ себѣ загробную жизнь, мы напрасно стали бы доискиваться
здѣсь какой-нибудь стройной и законченной теоріи. Какъ и слѣдуетъ
ожидать, недисциплинированная мысль представляетъ намъ лишь
отрывочныя представленія, плохо укладывающіяся въ одну систему.
Кромѣ того, еще одинъ спеціальнѣй факторъ, надо думать, дѣй-
ствовалъ здѣсь въ сторону большей спутанности представленій
народа, — это особенности прошлой его жизни. По общему мнѣнію
лицъ, интересовавшихся историческимъ прошлымъ минусинскихъ
турокъ, они представляютъ конгломератъ различныхъ племенъ. Одни
племена въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ ухо-
дили изъ минусинскихъ степей, другія приходили на ихъ мѣсто; пле-
мена пришедшія и остатки племенъ ушедшихъ, оказавшись на одной
территоріи, такъ или иначе сталкивались между собою, сближались
и, только послѣ долговременнаго общенія, выработали общій языкъ
и обычаи, образовавъ единую народность. Отсюда ясно, что и въ пред-
ставленіяхъ народа о различныхъ сторонахъ человѣческаго суще-
ствованія должны быть слѣды разнородныхъ элементовъ, внесенныхъ
отдѣльными племенами.

¹ Для настоящей работы я пользовался матеріалами, собранными мною во
время лѣтнихъ поѣздокъ къ минусинскимъ туркамъ въ 1913 и 1914 гг. По-
ѣздки были совершены по порученію и на средства Русскаго Комитета для изу-
ченія Средней и Восточной Азіи.

Пользуюсь случаемъ выразить свою глубокую признательность В. В. Рад-
лову, А. Н. Самойловичу и Л. Я. Штернбергу, компетентными указа-
ніями и добрыми совѣтами которыхъ я пользовался какъ во время поѣздокъ, такъ
и при послѣдующей разработкѣ собранныхъ матеріаловъ.

² Фотографіи зарегистрированы въ спискахъ Музея Антропологіи и Этно-
графіи имени Императора Петра Великаго подъ №№ 2287—2, 8, 12—16 и 18.

Начну съ терминовъ для понятій „души“. Ихъ нѣсколько. Одинъ изъ этихъ терминовъ „тын“ значитъ и душа и жизнь. Говорятъ „тын љзѹдѹ“, прервалась его жизнь. Тын многихъ героевъ богатырскихъ поэмъ бываетъ заключенъ въ какой-нибудь вещи,—въ складномъ ножикѣ, иголкѣ или даже животномъ, напр., змѣѣ, которые въ свою очередь бываютъ скрыты въ особенно недоступномъ мѣстѣ. Нельзя убить героя, прежде чѣмъ не будетъ уничтожена, разломана вещь или убито животное, гдѣ заключенъ былъ тын. Вмѣстѣ со смертью человѣка уничтожается и тын, или, вѣрнѣе, оттого и умираетъ человѣкъ, что уничтожается его тын.

Тотъ же корень имѣетъ слово „тыныс“, дыханіе; это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что жизнь обусловлена дыханіемъ.

Собственно „душа“, какъ существо, способное жить послѣ смерти человѣка, имѣетъ нѣсколько названій. „Хут“—душа живого человѣка; если она покидаетъ его, человѣкъ начинаетъ болѣть, а если не возвращается вовсе, человѣкъ умираетъ. Эта же душа въ шаманскихъ пѣснопѣніяхъ носитъ названіе „чула“. Подъ такимъ названіемъ шаманъ возвращаетъ ушедшую душу больному. Вообще, на языкѣ шамана многіе предметы обозначаются необычными терминами. Когда человѣкъ умираетъ, душу его называютъ „сѹнѹ“ или „сѹрнѹ“. Но это лишь въ продолженіе извѣстнаго періода, который опредѣляется временемъ совершенія по умершемъ поминокъ. На послѣднихъ поминкахъ черезъ годъ послѣ смерти человѣка съ нимъ прощаются съ тѣмъ, чтобы больше не имѣть никакихъ сношеній. Послѣ этого теряется всякая связь между живыми и умершими. Послѣдній становится на общее положеніе душъ умершихъ и носитъ уже названіе „ѹзѹт“.

Обращаясь къ обрядамъ погребенія и поминокъ, мы видимъ, что эти обряды проникнуты опредѣленнымъ представленіемъ о загробномъ существованіи души. Изъ обрядовъ ясно вытекаетъ, что загробная жизнь души является лишь продолженіемъ здѣшней жизни человѣка. За гробомъ человѣкъ также нуждается въ *пищѣ, одеждѣ* и въ различныхъ *предметахъ домашняго обихода*. Поэтому погребеніе человѣка есть не что иное, какъ снабженіе его всѣмъ необходимымъ въ дальнѣйшей жизни, прощаніе съ нимъ и отправленіе въ новый міръ. Когда я пришелъ, въ улусѣ Кызласовомъ, по р. Еси, въ юрту, гдѣ умеръ пожилой человѣкъ и гдѣ готовились къ его погребенію, покойникъ лежалъ вполне снаряженный. Гробъ его, представлявшій двѣ выдолбленныя половинки древеснаго ствола, былъ достаточно просторенъ, чтобы въ него уложить все, что покойникъ возьметъ съ собою въ новый міръ. Помимо того, что самъ онъ съ головы до ногъ былъ одѣтъ въ лучшія свои одежды, съ нимъ еще были положены: шуба, запасные рубаха и штаны, лишняя пара обуви. Кромѣ его собственной опояски, съ нимъ была уложена еще дѣтская опояска. Незадолго передъ тѣмъ умеръ его маленькій сынъ, кото-

рому въ гробъ забыли положить опояску; теперь ее отправляли съ отцомъ, чтобы сынъ въ загробномъ мірѣ не ощущалъ въ ней недостатка. На собственной опояскѣ покойника висѣло огниво, въ которое были вложены свѣжій кусокъ трута и кремь. Въ небольшомъ мѣшкѣ у ногъ покойника былъ приготовленъ запасъ пищи. Кромѣ того, у ногъ же былъ поставленъ деревянный ящикъ, въ который были для него уложены разная посуда и др. мелкія вещи. Были тутъ: мѣдный чайникъ, большая деревянная чашка, ложка, чайная чашка съ блюдцемъ; кромѣ того—гребень, шило, нитки изъ жилъ, тонкіе ремни; тутъ же были уложены еще пшеничные калачи (рис. 1). Все это должно было быть погребено вмѣстѣ съ покойникомъ. На время, пока покойникъ былъ еще въ юртѣ, ему особо было приготовлено на столѣ у ногъ обильное угощеніе. Въ большую чашу были наложены куски самой разнообразной пищи: хлѣбъ, мясо, яйца, сыръ, пряники, куски сахара и пр. Пища была положена и прямо на столъ. Тутъ же въ чашку налить былъ чай съ молокомъ; глиняный горшокъ, одна большая и другая маленькая бутылки были наполнены „арабы“¹. Рядомъ были положены чашка и ложка² для арабы (рис. 2). Въ юрту собирались другъ за другомъ родственники умершаго. Каждый приносилъ съ собою арабы и въ мѣшочкѣ пищу, которыя, главнымъ образомъ, предназначались для покойника: арабы подливали въ сосуды, поставленные на столѣ, принесенную пищу выкладывали на столъ и часть перекладывали въ мѣшокъ, который былъ въ гробу покойника. Остатки отдавали семьѣ покойнаго. Время отъ времени ближайшіе родственники брали арабы со стола и возливали на край костра, разведеннаго посрединѣ юрты, раздробляли пищу на маленькіе кусочки и также клали въ огонь. Юрта была наполнена запахомъ горящаго мяса, хлѣба и проч. Покойникъ ѣлъ и пилъ, прежде чѣмъ разстаться съ остающимися родственниками. Ниже мы увидимъ подтвержденіе того, что, по представленію минусинскихъ турокъ, запахомъ и паромъ пищи питаются умершіе. Отдавая умершему наиболѣе необходимое, при выносѣ тѣла позаботились, однако, о томъ, чтобы онъ не взялъ съ собою и все имущество, которое нужно будетъ остающимся живымъ. Для этого, сразу по выносѣ его, стали запирать плотно двери юрты и ворота. При выносѣ покойника, согласно обычаю, вообще нужно запереть все, что можно. На кладбище вмѣстѣ съ покойникомъ увезли и всю пищу и арабы, накопившіяся въ большомъ количествѣ отъ приношеній родственниковъ. Часть привезеннаго была съѣдена и выпита присутствовавшими; въ гробу покойника остался

¹ Опьяняющій напитокъ. Минусинскіе турки готовятъ его сами изъ хлѣба и молока.

² Ложка служитъ для брызганія „арабы“ духамъ.

мѣшокъ, почти наполненный разнообразной пищей; кромѣ того, туда вложили заранѣ приготовленныя двѣ бутылки арафы. Вновь пересмотрѣли все положенное съ покойникомъ. На каждомъ предметѣ сдѣлали или надрѣзъ или надломъ. Обычай, запрещающій класть съ покойникомъ цѣлыя вещи, отмѣченный вообще у малокультурныхъ народовъ, встрѣчается и у минусинскихъ турокъ. Наконецъ, заколоченный гробъ опустили въ могилу.

Для нашей цѣли нѣтъ нужды давать болѣе подробное описаніе. Приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ понимаютъ минусинскіе турки фактъ смерти своего сородича. Они считаютъ своей обязанностью накормить, напоить, одѣть и снабдить его всѣмъ необходимымъ при вступленіи въ новый міръ. Но этимъ не ограничиваются заботы живыхъ объ умершемъ. Если душѣ умершаго и предстоитъ оставить живыхъ и переселиться куда-нибудь въ страну мертвыхъ, то это происходитъ не сразу. По крайней мѣрѣ, пока не прошли всѣ поминки, душа остается вблизи живыхъ,—пребываетъ у могилы или даже приходитъ въ юрту. Поэтому семья умершаго продолжаетъ кормить его. Въ юртѣ, гдѣ былъ покойникъ, на столѣ все время стоятъ приготовленныя кушанья. Утромъ, въ полдень и вечеромъ, когда члены семьи ѣдятъ сами, часть приготовленныхъ кушаний кладутъ на костеръ для покойника, а на столъ подкладываютъ чего-нибудь новаго. Если случится арафы въ семьѣ и если покойникъ былъ взрослый, любившій этотъ напитокъ, для него неизмѣнно выливаютъ часть арафы на костеръ.

Но особенно обильныя угощенія отъ живыхъ покойникъ получаетъ на поминкахъ. По существу поминки и не имѣютъ никакого другого смысла кромѣ того, что живые приносятъ угощенія, кормятъ, поятъ покойника и удовлетворяютъ своей потребности быть въ общеніи съ человѣкомъ, который еще недавно жилъ среди нихъ. Когда въ юртѣ кормятъ и поятъ покойника, сжигая пищу и выливая арафы на огонь, то еще не предполагается обязательно, что покойникъ тутъ присутствуетъ. Запахъ и паръ отъ приносимаго достигаетъ до него, хотя бы онъ былъ далеко въ другомъ мѣстѣ. Но на поминкахъ, когда живые приходятъ къ его могилѣ, предполагается, что онъ присутствуетъ среди нихъ. Надъ умершимъ обычно устраивается шесть поминокъ: на третій, седьмой, двадцатый, сороковой день, черезъ полгода и черезъ годъ послѣ смерти покойнаго. Но иногда число поминокъ сокращаютъ, кончая, напр., поминками въ сороковой день. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда умершій былъ безродный или вообще незначительный человѣкъ. Наблюденныя мною поминки въ разныхъ мѣстахъ проходили въ общемъ однообразно. Наканунѣ поминокъ черезъ годъ послѣ смерти покойнаго въ ул. Байскомъ, по р. Аскысу, я наблюдалъ слѣдующее. Къ вечеру въ юрту

покойнаго стали собираться родственники и сосѣди. Такъ же какъ и при погребеніи, приходили съ арабы и кушаньями. Каждый часть своего арабы выливалъ на костеръ для покойника, три раза подливая въ чашку ¹. Затѣмъ, еще три чашки наливалъ въ особый туесъ ², предварительно выпивши оттуда чашку арабы, налитаго до него.

Накапливающееся такимъ образомъ въ туесъ арабы тоже предназначается покойнику. Принесенныя кушанья складываются въ особый берестяной подносъ, гдѣ въ концѣ концовъ накапливается большая куча разнообразной пищи. Въ сумерки, послѣ заката солнца, изъ этого подноса часть пищи начинаютъ класть въ костеръ. Къ этому времени, какъ думаютъ, приходитъ душа умершаго, чтобы провести вечеръ среди живыхъ. На другой день предполагался выходъ на кладбище и угощеніе покойника у могилы.

Въ улусѣ Мукаковомъ, по р. Аскысу, я наблюдалъ слѣдующее. Поминки происходили въ сороковой день послѣ смерти покойнаго. Когда всѣ родственники собрались и отъ ихъ принесеній накопилось много арабы и кушаній для покойника, все это взяли съ собой и отправились на кладбище. На склонѣ невысокаго холмика, среди массы другихъ, выдѣлялась свѣжая могила. Надъ могилою дѣлаютъ небольшую продолговатую насыпь, которую облаживаютъ камнями. На восточномъ концѣ насыпи ставится крестъ ³, а на противоположномъ, западномъ концѣ, противъ головы покойника, кладется на насыпь плоскій, болѣе или менѣе правильной формы камень. Кушанья на кладбищѣ были принесены въ двухъ узелкахъ. Въ малый узелокъ были положены лучшіе куски изъ всего накопившагося. Этотъ узелокъ въ развернутомъ видѣ положили на плоскій камень, что надъ головою покойника (рис. 4). Развели костеръ и, сложивъ часть кушаній изъ того и другого узелка въ глиняную чашку, поставили ее у костра. Тутъ же поставили чашку арабы и наполненную табакомъ трубку (рис. 3). Покойный при жизни пилъ арабы и курилъ табакъ. Пришедшіе, усѣвшись въ круги, угощали другъ друга арабы. Угощали и покойника, выливая напитокъ просто между камней насыпи, противъ его головы (рис. 4). На камнѣ надъ головою вмѣстѣ съ разложенной пищей также все время стояла

¹ Существуетъ обычай — выливать для покойника попеременно черезъ правый и лѣвый края чашки, а не какъ обычно, черезъ одинъ только край, причемъ арабы выливается не на средину костра, а на край его.

² Круглый сосудъ, сдѣланный изъ бересты (буракъ).

³ Нужно сказать, что минусинскіе турки усвоили многія внѣшнія формы православія. Не безъ вліянія православія, вѣроятно, установились и вышеуказанные дни поминокъ. И по существу православіе мало-по-малу проникаетъ въ сознание мѣстнаго турка, накладывая свою печать на эволюцію его религіозныхъ воззрѣній.

наполненная арабы чашка. Время отъ времени изъ нея напитокъ выпивали и наполняли ее снова. Черезъ нѣкоторое время мать покойнаго подсѣла къ костру и, плача и причитая, полными пригоршнями стала выкладывать приготовленную въ чашкѣ пищу на костеръ (рис. 5). Легкій вѣтерокъ разнесъ запахъ горячей пищи. Затѣмъ на край костра же она вылила приготовленную чашку арабы и еще нѣсколько чашекъ арабы, которое ей подливала молодая женщина (рис. 6). Кончивъ это, она взяла приготовленную для покойника трубку и стала курить. Тѣмъ временемъ пищу, привезенную въ большомъ узлѣ, предложили всѣмъ присутствовавшимъ. Всѣ принялись за ѣду, приглашая съ собою ѣсть и пить не только того умершаго, по которому совершались поминки, но и всѣхъ похороненныхъ на кладбищѣ (рис. 7). То, что осталось въ чашкѣ отъ сжиганія, также стали раздавать присутствовавшимъ (рис. 8). Такъ живые и мертвые трогательно дѣлили между собою трапезу. Послѣ ѣды еще нѣкоторое время угощали другъ друга арабы. Когда послѣднее стало приходить къ концу, то всѣмъ предложили брать отъ оставшейся еще пищи, разложенной на могилѣ покойника. Нѣкоторые подходили сами и брали, а остальнымъ разнесли то, что оставалось. Этимъ и закончились поминки.

Съ небольшими измѣненіями, но по существу въ этомъ же состояли прощальныя, т. е. послѣднія, поминки, которыя я наблюдалъ у качинцевъ, въ ул. Чаптыковомъ, по р. Абакану. Для полноты представленія я приведу лишь нѣсколько фразъ, съ которыми обращались къ покойнику и которыя записаны мною на этихъ поминкахъ. Помимо другихъ родственниковъ, на поминкахъ были жена и дочь умершаго.

„Отецъ, кушай, я пришла, кормлю тебя!“—говорила дочь, раскладывая принесенную пищу надъ могилой.

„Горюя объ тебѣ, пришла я съ невесткой, съ дочерью!“—проговаривала сквозь плачъ жена.

„Пей арабы, старикъ!“—говорять, вливая напитокъ между камней могилы.

„Пусть славно будетъ то, на чемъ лежишь;
Пусть шелковое будетъ то, чѣмъ накрываешься;
Не голодая, живи въ странѣ той;
Послѣднюю пищу тебѣ приносимъ;
Насъ не вспоминай;
Мы думать будемъ о тебѣ!“

Вотъ слова, которыми обычно прощаются съ умершимъ на послѣднихъ поминкахъ.

Описаннымъ образомъ происходятъ и всѣ другія поминки. Измѣненія несущественны. Напр., на поминкахъ на третій день на кладбище не выходятъ, а сжигаютъ пищу дома; на полугодовыхъ поминкахъ на кладбищѣ не разводять костра, а пищу, вмѣсто сожженія

разбрасывают мелкими кусками вокруг; также брызгают вокруг и арабы.

Всѣ эти обряды погребенія и поминокъ, при всей опредѣленности смысла, какой въ нихъ вкладывается, все же очень мало даютъ матеріала для болѣе конкретнаго представленія о загробной жизни. Обратившись къ устнымъ матеріаламъ, мы найдемъ болѣе опредѣленные разъясненія того, о чемъ по обрядамъ можно только догадываться. Одинъ сагаецъ ¹ рассказывалъ мнѣ давно видѣнное имъ сновидѣніе, которое освѣщало вопросъ о томъ, какъ могутъ питаться умершіе отъ приношеній живыхъ. Повстрѣчалъ онъ во снѣ своего одноулусника, который передъ этимъ умеръ. Вспомнивъ это и сообразивъ, что имѣетъ дѣло съ душою умершаго, онъ началъ его спрашивать о пищѣ, которую живые приносятъ умершимъ.

— Ъдите ли?

Отвѣчаетъ:

— Ъдимъ.

— Какъ же вы ѣдите,—вѣдь мы съѣдаемъ?

— Мы, говорить, паръ ѣдимъ.

— Ъдите ли вы то, что сжигается на огнѣ?

— Тоже, говорить, ѣдимъ.

— Что вы ѣдите?

— Ъдимъ, говорить, идущій отъ пищи запахъ...

Насколько сагаецъ былъ убѣжденъ въ томъ, что покойникамъ достаются приношенія живыхъ, характеризуетъ слѣдующій его же рассказъ. „Осенью, передъ тѣмъ какъ ѣхать на бѣлку (т. е. на охоту), шелъ я сверху мимо кладбища сюда внизъ. Слышу—на кладбищѣ сильно люди разговариваютъ; разобрать нельзя, только и слышно: „пычихъ пачихъ“ ². Испугавшись, прибѣжалъ въ улусъ. Оказывается, были поминки по ребенкѣ, были на горѣ (т. е. на кладбищѣ). Вѣроятно, это шумѣли души умершихъ, напившіяся (на поминкахъ) допьяна“.

Изъ слѣдующаго разсказа ³ видно, какъ сильна бываетъ нужда душъ въ принадлежностяхъ костюма.

„Умерла одна дѣвушка. У этой дѣвушки остался здѣсь платокъ. Мать и отецъ не замѣтили этого. Онъ лежалъ завернутый на днѣ шкатулки. Та дѣвушка, являясь во снѣ, все просила свой платокъ. Въ томъ же улусѣ умерла одна женщина. Когда она умерла, повезли ее два человѣка, посадивъ верхомъ на пеструю корову. Когда

¹ Полосъ Кызласовъ. Улусъ Кызласовъ, р. Есь.

² Звукоподражательное выраженіе. Означаетъ беспорядочный шумъ голосовъ.

³ Записанъ со словъ сагайки Тана Кызласовой. Р. Аскысь, улусъ Павинъ.

привезли (въ улусъ умершихъ), тамъ ее (умершіе) не принимаютъ,— говорятъ, что привезли не того человѣка. Отправили ее обратно. Встрѣтила она тамъ ту умершую дѣвушку. Та ей заказала: „передай отцу и матери, пусть сожгутъ мнѣ мой платокъ. Онъ лежитъ завернутый въ шкатулкѣ“. Тѣ же два человѣка привезли женщину (обратно) и (сами) вернулись. Это было въ день ея семидневныхъ поминокъ. Ночью пошли люди разграбить могилу той женщины¹. Разрыли. Когда раскрыли гробъ, женщина удѣлилась за одного. Такъ она поднялась. Поднявшись, ушла домой.

Женщина эта, вернувшись, сказала отцу и матери той дѣвушки: „Платокъ вашей дочери остался въ шкатулкѣ. Сожгите его“. Платокъ сожгли; послѣ этого и во снѣ не стала являться дѣвушка.

Привезли обратно женщину на той же пестрой коровѣ. Оказалось, что это была корова, заколотая по случаю ея смерти².

Помимо исторіи съ платкомъ, въ которомъ такъ остро нуждалась умершая и который достался ей лишь послѣ того, какъ былъ сожженъ³, въ этомъ разсказѣ характерно то, что умершую увозятъ на томъ животномъ, которое было заколото къ ея смерти. Это повѣріе, можетъ-быть, лежитъ въ основѣ обычая до истеченія трехъ дней не ломать костей такого животного.

Изъ другого сказанія мы получаемъ болѣе ясное представленіе о томъ, кто увозитъ умершихъ и какъ живутъ въ странѣ умершихъ. Родовичъ Хызцахъ во время тяжелой болѣзни, въ состояніи забытья, видѣлъ, будто пришли за нимъ отецъ и мать и другіе люди, прежде умершіе. Увели его въ свой улусъ, гдѣ жили такъ же, какъ здѣсь. Богатые были и тамъ богаты, а бѣдные и тамъ были бѣдны. Тамъ онъ встрѣтилъ умершаго родовича Албанах-а. Послѣдній при жизни носилъ козью шубу, и тамъ онъ ходилъ въ той же шубѣ. Бабушка Хызцах-а, когда встрѣтила его, стала упрекать: „износила обувь, сошьешь теперь обувь мнѣ; медлилъ ты, не приходя до сихъ поръ“.

По другимъ, передаваемымъ минусинскими турками, сновидѣніямъ, юрты въ загробномъ мірѣ—только „алачыхи ат іб“. Это—наиболѣе старинные типы юртъ. Въ загробномъ мірѣ, такъ же какъ здѣсь, сѣютъ хлѣбъ, охотятся.

¹ Случаи разрытія могилъ съ корыстною цѣлью замѣчаются изрѣдка у минусинскихъ турокъ.

² Обычно въ случаѣ смерти сородича закалываютъ какое-либо животное. Мясо идетъ на кормленіе и запасъ для покойника и на угощеніе собравшихся.

³ Мнѣніе о томъ, что, разбивая или сжигая предметъ, освобождаютъ душу его, которая должна служить покойнику, повидимому, подтверждается и здѣсь, хотя представленіе о томъ, что каждый предметъ имѣетъ душу, у минусинскихъ турокъ не вполне отчетливо.

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что отношенія между живыми и мертвыми—мирныя. Мертвые хотя и приходятъ для того, чтобы увести кого-нибудь изъ живыхъ въ свою страну, но только тогда, когда для этого насталъ срокъ. Вспомнимъ, какъ въ разсказѣ объ умершей женщинѣ находятъ, что по ошибкѣ привезли не того человѣка, отправляютъ ее обратно, и она оживаетъ на седьмой день послѣ смерти. Но дѣло не всегда такъ обстоитъ. Души умершихъ могутъ причинять живымъ и зло. Иногда душа не захочетъ покидать юрту живыхъ и начинаетъ причинять имъ разныя болѣзни. Тогда призываютъ шамана, который изгоняетъ ее.

Мнѣ передавали случай такого камланія. Шаманъ изгонялъ душу женщины. Она устами шамана жалобнымъ голосомъ призывала своего живого мужа, и всѣ присутствовавшіе узнавали тотъ голосъ, которымъ она призывала мужа живая.

Но и послѣ ухода въ страну мертвыхъ души не всегда оставляютъ живыхъ въ покоѣ. Онѣ носятся по землѣ въ видѣ *вихря* и могутъ схватить душу подвернувшагося на ихъ пути человѣка. Поэтому на вихрь плюютъ, защищаются палкой или ножомъ, размахивая ими. Шаманы часто, изслѣдуя больного, находятъ, что душа его похищена мертвымъ, напавшимъ на него въ видѣ вихря. Кстати, мнѣніе, что въ видѣ вихря летаютъ души умершихъ, является настолько укоренившимся въ сознаніи минусинскихъ турокъ, что, умирая, они даютъ даже наказы остающейся семьѣ. Такъ, одинъ старый сагаецъ, умирая, говорилъ, что онъ не будетъ много беспокоить своихъ близкихъ: только разъ прилетитъ вихремъ и дастъ знать о себѣ. Дѣйствительно, послѣ его смерти однажды вихрь разнесъ крышу юрты, и это приписали душѣ умершаго. Его сынъ, при отправкѣ въ Томскъ для отбытія наказанія по приговору суда, тоже говорилъ, что больше не вернется.—„Когда вихрь пронесется надъ вашей юртой, знайте, что меня нѣтъ въ живыхъ“. Однако онъ вернулся благополучно.

Иногда душа умершаго вселяется въ человѣка; тогда у послѣдняго внезапно начинаетъ болѣть животъ острой, рѣжущей болью. Появляется рвота. Въ этихъ случаяхъ приглашаютъ особыхъ людей, которые умѣютъ изгонять непрошенную душу. Приемы, употребляемые для этого, довольно сложны. На больного плюютъ, бьютъ его какой-либо одеждой. Если боль не прекращается, то около больного жгутъ на горящихъ угляхъ талбанъ (кушанье изъ зерна) и даютъ больному вдыхать запахъ; жгутъ также табакъ. Накормивъ такимъ образомъ, начинаютъ пугать душу, поднося къ больному горящій уголь. Всѣ эти приемы сопровождаются соответствующими обращеніями къ душѣ и къ духу огня. Обращаясь къ душѣ, ее называютъ именемъ какого-нибудь умершаго. Говорятъ, если имя души будетъ найдено, изгоняющій чувствуетъ опредѣленное нервное переживаніе, сопровождающееся позѣ-

ываніями. Тогда боль должна пройти. Если такого переживанія не послѣдуетъ, всѣ эти приемы повторяютъ снова, называя другое имя. Иногда среди умершихъ имя души не находится,—тогда начинаютъ призывать и живыхъ. Если указанное переживаніе послѣдуетъ при упоминаніи имени живого человѣка, то ему предстоитъ скоро умереть, ибо душа его начинаетъ уходить отъ него, а больной выздоровѣетъ, если причиняющая боль чужая душа будетъ изгнана.

Особенно страшной для минусинскихъ турокъ болѣзнью является оспа. Они думаютъ, что есть какой-то „народъ оспы“, который и причиняетъ эту болѣзнь. Люди, умершіе отъ оспы, сами начинаютъ заниматься тѣмъ, что наводятъ эту болѣзнь на живыхъ. У одного родовича умерли отъ оспы двое маленькихъ дѣтей. Много лѣтъ спустя онъ видѣлъ сонъ.—Ему сказали, что въ сосѣдній улусъ прибыли его сыновья. Онъ поѣхалъ съ ними повидаться; теперь они были совершенно взрослые. Въ тотъ годъ была оспа, отъ которой умерло много народу. Инородецъ былъ убѣжденъ, что это было дѣломъ его сыновей.

Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ о томъ, *куда отправляются души умершихъ*. Въ этомъ отношеніи приведенное сновидѣніе дополняется слѣдующимъ интереснымъ разсказомъ ¹.

„Встарину одинъ человѣкъ отправился на охоту. Дома у него осталась единственная младшая сестра. Еще остался дома его карій конь. На охотѣ этотъ человѣкъ заблудился. Долго онъ скитался, не находя дороги. Потомъ спустился въ степную мѣстность. Тамъ жилъ народъ. Весь скотъ ихъ былъ бѣлопестрой масти. Пришелъ къ улусу. Видитъ—у одной юрты стоитъ на привязи его карій конь. Вошелъ въ эту юрту; народу много сидитъ. Между ними, видитъ, сидитъ и его младшая сестра. Тогда онъ прошелъ и сѣлъ рядомъ съ сестрой. Вдругъ сестра его заболѣла. Сильно заболѣла, и тѣ люди собираются послать за шаманомъ. Послали за шаманомъ. Когда шаманъ пріѣхалъ и сталъ собираться камлатъ, онъ спрятался... Шаманъ камлаетъ. Поискалъ, поискалъ, разыскалъ этого человѣка. Втянулъ въ свой бубенъ и понесъ. Какъ онъ несетъ—незамѣтно. Только и слышно, что шаманъ несетъ, ударяя въ бубенъ.... въ одномъ мѣстѣ вытряхнулъ. Видитъ—вытряхнулъ на мѣстѣ, куда высыпаютъ мусоръ. Видитъ—около его юрты его собственное мусорное мѣсто. Въ юртѣ его собрался народъ. Входитъ—оказывается, справляли ему послѣднія поминки. Годъ проходилъ онъ блуждая.

А его младшая сестра умерла безъ него, заболѣвши оспою. Среди тайги онъ повстрѣчалъ ее, ушедшую къ народу оспы“.

¹ Сообщилъ сагаецъ Колка. Улусъ Кѣг билтір, р. Аскысь.

Мы оставимъ въ сторонѣ вытекающее изъ разсказа интересное освѣщеніе вопроса о томъ, какъ минусинскіе турки понимаютъ болѣзнь и камланіе шамана. Изъ этого разсказа для насъ выясняется, что умершіе отъ оспы уходятъ въ особую степную мѣстность, лежащую среди тайги. Въ разсказѣ, повидимому, предполагается, что конь охотника былъ заголотъ по случаю смерти его сестры, и ее увезли на томъ конѣ.

Умершіе вообще отправляются въ разныя мѣста. По однимъ представленіямъ души отправляются на гору „Пулан-таг“. Гора эта расположена въ предѣлахъ хребта Кузнецкій Алатау, который огибаетъ Минусинскій край съ западной стороны. Сагайцы часто охотятся въ лѣсахъ этого хребта и разсказываютъ, что иногда слышать на этой горѣ выстрѣлы охотящихся мертвыхъ, живущихъ тамъ.

Душа больного человѣка иногда уходитъ также на эту гору, и оттуда ее возвращаетъ шаманъ.

По разсказамъ, слышаннымъ мною отъ качинцевъ, страна умершихъ помѣщается вообще гдѣ-то очень далеко или даже подъ землею. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ разсказахъ яркое выраженіе получаетъ новая идея, которой мы не встрѣчали до сихъ поръ, именно идея возмездія.

Въ одномъ разсказѣ злой ханъ, чтобы погубить героя повѣствованія, даетъ ему порученіе—привезти шубу, положенную въ могилу его умершей матери, т. е. отданную умершей. Жена героя даетъ ему коня, который увозитъ его очень далеко въ страну умершихъ. Въ первой юртѣ онъ видитъ старуху, которая изъ одного туеса въ другой переливаетъ молоко. Старуха эта разсказываетъ ему: когда она была живая, заѣхали къ ней три человѣка; она поставила имъ молока, но такъ какъ его было мало для троихъ, то предварительно разбавила водой. За это послѣ смерти была наказана тѣмъ, что должна была отдѣлать воду отъ молока: теперь она переливаетъ молоко изъ одного туеса въ другой, но отдѣлать воду не можетъ.

Во второй юртѣ другая старуха перекладываетъ съ одного мѣста на другое скотскій пометъ, выжимая его въ рукахъ. Разсказываетъ она слѣдующее. Когда была жива, приготовляла арафы. Отъ чаши отвалился кусокъ замазки изъ помета¹. Она снова замазала, подливши къ помету, вмѣсто воды, арафы. За это теперь наказана тѣмъ, что должна отдѣлать арафы отъ помета. Она выжимаетъ пометъ, но отдѣлать арафы не можетъ. Обѣ старухи просятъ узнать, скоро ли кончатся ихъ мѣки.

¹ Щели сосуда, въ которомъ перегоняется напитокъ, замазываются глиной, разжиженной водой и смѣшанной со скотскимъ пометомъ.

Затѣмъ герой попадаетъ къ матери хана; она отдаетъ ему шубу, за которой онъ пріѣхалъ, и говорить, что на-дняхъ кончатся муки наказанныхъ старухъ. На обратномъ пути онъ дѣйствительно видитъ, что обѣ старухи освободились отъ мучительнаго дѣла.

По другому разсказу, страна мертвыхъ помѣщается подъ землею. Герой разсказа прежде всего встрѣчаетъ тамъ очень много новорожденныхъ дѣтей. Всѣ они ходятъ безъ одеждъ. Цѣлыя горы и долины покрыты ягодой (клубникой), которою дѣти питаются. Дѣти разсказываютъ ему:

„...Наши матери и отцы не дали намъ увидѣть свѣтъ солнца. Богъ создалъ для насъ эту страну. Хорошая страна. Питаемся только вотъ этой ягодой. Мы не вырастемъ и не умремъ, всегда останемся такими, какъ теперь. Мы—незаконныя дѣти, отъ дѣвицъ родились“.

Относительно дальнѣйшаго пути дѣти говорятъ: „...Будетъ рѣка, черезъ рѣку мостъ. Мостъ начнетъ кричать: „по мнѣ не переходи, не переходи, не наступай на меня...“ Но ты не слушайся этого, не бойся, перейди“.

Герой разсказа дѣйствительно встрѣчаетъ мостъ, по которому переходить, несмотря на раздающіяся просьбы. Перейдя рѣку, онъ встрѣчаетъ юрту; около юрты стоятъ около 20—30 коровъ. Онъ входитъ въ юрту, надѣясь, что его накормятъ. Но въ юртѣ нѣтъ ничего,—сидитъ одна старуха, очень исхудавшая.

— Бабушка,—обращается онъ къ ней,—дай мнѣ поѣсть, очень ѣсть хочу!

Старуха отвѣчаетъ:

— Не то, что тебѣ дать поѣсть, и сама умираю, сейчасъ повалюсь...

У слѣдующей маленькой юрты, которая встрѣчается на пути, стоитъ только одна толстая корова. Въ юртѣ сидитъ старуха очень упитанная. Она подаетъ вошедшему аїран (напитокъ изъ скислаго молока) и кормитъ его.

— Я тамъ заходилъ къ одной старухѣ, бабушка,—начинаетъ разговоръ вошедшій;—скота у нея достаточно, около 20—30 коровъ стоитъ. Меня она не накормила. Не то, что тебя кормить, и самой, говорить, ѣсть нечего. Отчего же у тебя есть (чѣмъ накормить)?

— У меня почему не будетъ, мое дитя? Мы, вѣдь, пришли сюда изъ солнечной страны (т. е. съ поверхности земли). Она (т. е. та голодная старуха) имѣла достаточное состояніе, но очень была скупа. Ни накормить вошедшаго, голоднаго, ни дать что-нибудь просящему... скупая была. Тотъ грѣхъ до нея самой доходить теперь. Теперь сама сохнетъ. У меня и въ солнечной странѣ была одна корова. Отъ этой

единственной коровы входящихъ и выходящихъ всѣхъ кормила. То добро въ этой странѣ для меня самой добро. Бѣлаго молока моей единственной коровы для меня и въ этой странѣ хватаетъ.

Побывавши у Эрликъ-хана, съ порученіемъ къ которому онъ и попалъ въ подземный міръ, герой на обратномъ пути снова заходитъ къ старухѣ.

Накормивши его, она говоритъ ему:

— Дитя мое, бѣги скорѣе. Не заходи къ той старухѣ, у которой есть коровы, бѣги скорѣе. Пришло время встать тому мосту. Если онъ встанетъ, ты не перейдешь и останешься въ этой странѣ... Если съ той стороны кто поѣдетъ навстрѣчу, постарайся успѣть перейти раньше его; если останешься послѣ него, ты самъ ляжешь, сдѣлавшись мостомъ. У той женщины насталъ срокъ встать. Это была женщина, которая въ солнечной странѣ воровала мостъ и жгла (т. е. вмѣсто того, чтобы добывать дрова, она воровала доски моста и ими топила юрту). За этотъ грѣхъ она сама въ этой странѣ лежитъ, сдѣлавшись мостомъ. Тѣ дѣти... это дѣти, не видѣвшія солнца, погубленныя отцами и матерями, преступное дѣло сдѣлавшими.

Когда онъ сталъ подходить къ мосту, увидѣлъ, что съ другой стороны кто-то подѣзжалъ на трехъ карихъ лошадяхъ. Снова раздались просьбы женщины-моста о томъ, чтобы по ней не проходили. Герой поспѣшилъ и перешелъ мостъ раньше. Когда встрѣчный проѣхалъ до середины моста, герой оглянулся и увидѣлъ, что женщина встала, а на мѣсто ея сдѣлался мостомъ встрѣчный.

Послѣ этого герой разсказа возвращается на землю.

Приведенныя мною выдержки, въ коихъ выразилась идея возмездія въ загробной жизни, взяты изъ сказаній стариннаго происхожденія. Такъ можно думать, по крайней мѣрѣ, судя по ихъ содержанию. Въ нихъ повѣствуется о ханахъ среди людей, о подземномъ Эрликъ-ханѣ и пр., что обычно въ героическихъ поэмахъ народа, а въ старинномъ происхожденіи послѣднихъ сомнѣваться не приходится. Однако, нельзя думать, что идея возмездія чужда современному сознанию народа. Объ этомъ свидѣлствуютъ короткіе поговорки-афоризмы, какіе припоминаются родовичами въ соответствующихъ случаяхъ. Напр., укравшаго хлѣбъ заставить на томъ свѣтѣ считать зерна этого хлѣба; укравшаго яйцо заставить на томъ свѣтѣ лѣзть на гору, такую же гладкую, какъ яйцо, и пр. Нѣсколько иначе представляютъ себѣ шаманы грозящее имъ возмездіе за гробомъ за совершенные ими въ этой жизни проступки. Обычно каждый шаманъ, прежде чѣмъ сдѣлаться таковымъ, переживаетъ тяжелую болѣзнь. Во время этой болѣзни онъ отправляется къ главному духу-хану, избравшему его на служеніе. Тамъ, по разсказамъ шамановъ, они

видятъ людей, закованныхъ въ цѣпи, кипящихъ въ смолѣ. Это—шаманы, наказанные за свою гордость, за то, что дѣлали зло людямъ.

Наряду съ идеей возмездія существуетъ и представленіе о *загробномъ судѣ*. Въ героическихъ поэмахъ, которыхъ разсказывается въ народѣ очень много, вселенная представляется состоящей изъ трехъ міровъ: небеснаго, земного и подземнаго; иногда представляется нѣсколько небесныхъ міровъ и нѣсколько подземныхъ. Разумными существами въ этихъ мірахъ являются не только люди, но и ихъ кони. Въ одной изъ такихъ поэмъ героемъ является богатырь по имени Хан-Түңәс, ѣздящій на Ворономъ Конѣ. Конь его и умнѣе и сильнѣе своего хозяина. Воронымъ Конемъ были убиты въ небесномъ мірѣ богатырь Хан-Хылыс, на землѣ—Хан-Чәк; наконецъ, на землѣ былъ убитъ и его хозяинъ Хан-Түңәс. Тогда Вороного Коня вызываютъ на судъ въ подземный міръ. Спустившись подъ землю, Конь попадаетъ сперва въ темноту, но потомъ выходитъ въ свѣтлую страну, гдѣ „такъ же, какъ здѣсь, люди живутъ“, освѣщаетъ страну „сіяющей, какъ солнце и луна, золотой тополь“. Надъ всѣми четырьмя судъ совершаетъ „четырехрогій старикъ“. Иногда подземный владыка носитъ названіе Ipli'-Хан или Пхан. На вопросъ судьи: за что убилъ богатыря Хан-Хылыс? Вороной Конь отвѣчаетъ:

— „...Въ нашей странѣ
Творящій
Творецъ нашъ есть,
Управляющій
Богъ нашъ есть;
Какъ онъ положилъ—
Нельзя нарушить.
Было положено (Имъ)
Дочери Творца¹ Күгүрт
Выйти замужъ
За Хан-Чәк.
Хан-Хылыс,
Желавшаго это нарушить,
Въ спорѣ я убилъ“...
— „Да, да, Вороной Конь,—
Говоритъ „четырехрогій старикъ“,—
И здѣсь что мною положено—
Нельзя нарушить“.

¹ Представляется, что существуютъ нѣсколько творцовъ, причемъ они, такъ же какъ люди, имѣютъ семьи.

Послѣ этого судья „умершаго (богатыря Хан-Хылыс) еще убиваетъ“, т. е. подвергаетъ его второй смерти.

— „...Ну, Вороной Конь,—
Спрашиваетъ старикъ Пхан,—
Какъ убить былъ Хан-Чѣкъ?“
— „Такое же дѣло было,—
Отвѣчаетъ Вороной Конь.—
Было положено
Сестрѣ Алтын-Тѣк
Жизнь прожить
Съ Хан-Тѣңас.
Нарушая это, Хан-Чѣк
Свою сестру
Хотѣлъ выдать за Хан-Тѣңас.
Убить былъ изъ-за этого“.
— „Такъ, такъ“,—говоритъ старикъ Пхан“.

И этого „умершаго еще убиваетъ“. Богатыря Хан-Тѣңас судья превращаетъ въ кольцо и возвращаетъ послѣднее коню, чтобы онъ могъ вернуть душу оставшемуся на землѣ мертвому тѣлу и воскресить богатыря.

Въ приведенной выдержкѣ интересно то, что умершіе отправляются въ подземный міръ, которымъ управляетъ Пхан. Надъ ними совершается судъ, и оказавшіеся виновными подвергаются второй смерти.

Послѣднее понятіе о томъ, что душа можетъ умереть *нѣсколько разъ*, несомнѣнно входитъ составнымъ элементомъ въ вѣрованія народа. Это подтверждается и болѣе опредѣленно. Минусинскіе турки говорятъ, что человѣкъ можетъ умирать до 4-хъ разъ. При этомъ женщины при шитьѣ надѣваютъ въ этой жизни наперстокъ на указательный палецъ (усту'хол), послѣ первой смерти надѣваютъ на средній палецъ (ортын хол), послѣ второй смерти надѣваютъ на безымянный палецъ (толамыр); послѣ третьей смерти человѣкъ „никуда не годится“, превращается въ ночную бабочку. Самое названіе бабочки „ѳэѳт хубаѳан“ обнаруживаетъ ея происхожденіе; припомнимъ, что „ѳэѳт“ есть названіе души умершаго, когда она окончательно удалится отъ живыхъ; поэтому въ буквальномъ переводѣ это будетъ „бабочка-душа“. Послѣ четвертой смерти души, т. е. этой бабочки, она исчезаетъ окончательно. По другимъ рассказамъ, душа человѣка превращается въ ночную бабочку лишь послѣ седьмой смерти и исчезаетъ окончательно послѣ восьмой смерти.

Но такая судьба, повидимому, ожидаетъ души людей, пожив-

шихъ на землѣ. Души умершихъ маленькихъ дѣтей могутъ *снова родиться* въ видѣ людей. Этимъ объясняется особый обрядъ, которымъ сопровождается выносъ тѣла умершаго ребенка. Въ чашку наливаютъ молока, и какая-нибудь пожилая женщина обноситъ это молоко вокругъ тѣла три раза со словами: „не уходи совсѣмъ, возвратись!“ Послѣ этого молоко даютъ выпить матери. Смыслъ обряда ясенъ: хотѣть зазвать душу ребенка, чтобы она снова родилась отъ той же матери.

Ст. Майнагашевъ.

Москва.
10 февраля 1915 года.

Рис. 3. На поминкахъ. У костра приготовлены для покойника пища, арафы и табакъ.

Рис. 4. Межъ камней могильной насыпи. Для покойника выливаютъ арафы.

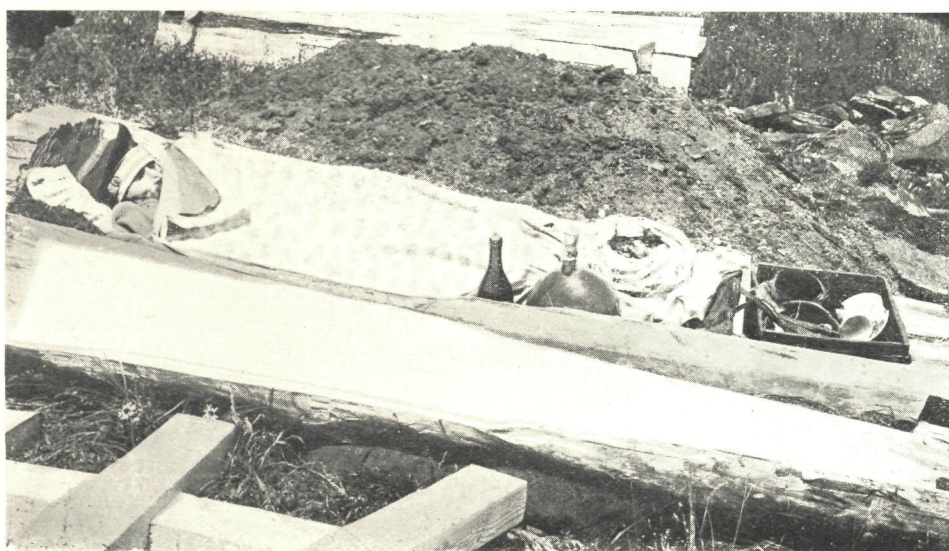

Рис. 1. Покойникъ въ гробу передъ опусканіемъ въ могилу.

Рис. 2. Угощеніе, приготовленное для покойника въ юртѣ.

Рис. 5. Сожженіе пищи для покойника.

Рис. 6. Выливаніе ара́зы на костеръ.

Рис. 7. Трапеза живыхъ въ присутствіи невидимыхъ мертвыхъ.

Рис. 8. Остатки пищи отъ сожженія раздаются живымъ.